

Значеніе філософіи для богословія (Пособіе къ апологетическому богословію).

*1. Необходимость изслѣдованія не исключается вѣрою,
напротивъ требуется ею.*

Съ самыхъ первыхъ временъ распространенія въ чело-
вѣчествѣ вѣры христіанской, всякія научныя изысканія о пред-
метахъ вѣры многимъ казались излишними. Вѣдь для испы-
тующаго, для изслѣдователя, истина есть искомое, напротивъ,
для вѣрующаго истина есть *данное*. Въ этомъ смыслѣ отцы
церкви различіе между христіанскимъ вѣроученіемъ и гре-
ческой философіей опредѣляли такъ: Между тѣмъ какъ гре-
ческіе философы истину постигали только отчасти, и при-
томъ не ясно, какъ бы только предугадывали, и познавали
ее не въ чистомъ видѣ, а смѣшанною съ заблужденіями,
для христіанъ эта самая истина открыта чрезъ вѣру во
всей полнотѣ, всецѣлю. Не смотря на то, и въ мірѣ хри-
стіанскомъ хотя истина открыта и сообщена людямъ самимъ
Богомъ и распространена была въ челоувѣчествѣ мужами,
въ которыхъ дѣйствовали Духъ Божій, такъ что для при-
нятія открытой истины требовалась только вѣра, не смотря
на это, трудъ изслѣдованія никогда вполнѣ не прекращался,
да и по существу дѣла никогда не можетъ упраздниться.
Между вѣрою, какъ принятіемъ готовой, открытой истины,
и изслѣдованіемъ, имѣющимъ цѣлью познанье той же исти-
ны, различіе не абсолютное, а только относительное. Это

видно изъ того, что, по словамъ апостола Павла, и для вѣрующихъ христіанъ истина все же не вполне открыта, такъ какъ нынѣ она не познается лицомъ къ лицу, въ актѣ непосредственнаго созерцанія, а только не прямо, какъ бы отраженною въ зеркалѣ, и такое познаніе св. апост. Павелъ называетъ гадательнымъ, т. е. предуготовительнымъ, а не окончательнымъ и вполне совершеннымъ. Дѣйствительно, при полномъ и совершенномъ познаніи истины, самая вѣра была бы излишнею. Ибо вѣра всегда соединяется съ надеждою, а надежда есть ожиданіе восполненія и завершенія того, чѣмъ мы обладаемъ не вполне и несовершенно. Казалось бы, что въ наше время не должно быть различныхъ мнѣній о томъ, необходимо ли изслѣдованіе о предметахъ вѣры, при существованіи вѣры какъ органа для принятія и усвоенія откровенныхъ истинъ христіанскихъ. На самомъ же дѣлѣ и теперь еще многимъ представляется самъ по себѣ трудъ изслѣдованія, въ чемъ бы ни состоялъ и какъ бы ни былъ направленъ, и изъ какихъ бы побужденій ни исходилъ, опаснымъ для дѣла вѣры. Мы не язычники, говорятъ намъ, чтобы трудиться надъ изысканіемъ истины, какъ будто истина намъ не дана, не открыта. Изслѣдованіе по тому именно представляется сомнительнымъ и опаснымъ для вѣры само по себѣ, что въ немъ необходимымъ дѣятелемъ является разумъ; значить, думаютъ такъ, если самое изслѣдованіе не есть раціонализмъ, то легко можетъ приводить къ раціонализму,—можетъ, конечно, но можетъ также приводить и къ оправданію вѣры. Правда и то, что кто довѣряется своему разуму, можетъ впасть въ заблужденіе. Такъ неужели же лучше лишиться разума и быть неразумнымъ, чѣмъ обладать дѣятельнымъ и испытующимъ разумомъ? Кто спитъ, тотъ не грѣшитъ; стало быть, лучше ничего не дѣлать и предаться сну? Вообще жизнь человѣка подвержена многимъ и непрерывно угрожающимъ ей опасностямъ. Но можетъ ли у нормальнаго человѣка мнительность дойти до того, чтобы,

ради избѣжанія опасностей, онъ захотѣлъ лучше не жить, чѣмъ жить съ болѣзнію, и борьба за существованіе предпочелъ бы прекращеніе своего существованія?

Исслѣдованіе хотя и представляется противоположнымъ вѣрѣ, но оно необходимо въ дѣлѣ самой вѣры. Вѣдь недостаточно одного принятія христіанскаго вѣроученія, недостаточно вѣры въ то, что это ученіе истинно; необходимо и усвоеніе этого ученія, и притомъ усвоеніе по возможности всѣми силами духа. Исслѣдованіе необходимо какъ путь къ усвоенію истинъ вѣры, какъ средство къ тому. Какъ возможно плѣнить разумъ въ послушаніе вѣры, если отказаться отъ всякаго употребленія разума, а вѣдь исслѣдованіе и есть именно важнѣйшее изъ дѣлъ разума. Обыкновенно на долю разума отводится, при усвоеніи истинъ вѣры, и въ предложеніи или изложеніи таковыхъ послушествующимъ вѣрѣ, одна лишь формальная сторона, а самое содержаніе должно оставаться при этомъ для разума неприкосновеннымъ. Но если теоретически и допустимо такое раздѣленіе содержанія и формы вѣроученія, то на практикѣ раздѣленіе это не осуществимо: цѣльность и единство духа—есть важнѣйшая, отличительная черта христіанскаго вѣроученія. Самое простое, буквальное пониманіе истинъ вѣры требуетъ нѣкотораго умственнаго усилія; возможно при этомъ сомнѣніе, правильно ли понято то или иное положеніе, и для устраненія подобнаго рода сомнѣній необходимо различное видоизмѣненіе, дополненіе и распространеніе словесной формы выраженія той или иной истины, а все это есть уже нѣкотораго рода исслѣдованіе, и подобныя исслѣдованія, состоящія въ уподобленіяхъ, переложеніяхъ (перифразировка), распространеніяхъ и дополненіяхъ, въ изобиліи мы находимъ въ твореніяхъ отцовъ церкви, которые такимъ образомъ вовсе не чуждались духа исслѣдованія, напротивъ съ величайшимъ усердіемъ предавались этому достохвальному дѣлу.

Особенно же важно то, что, для надлежащаго усвоенія истинъ вѣры, необходимо уяснить себѣ нѣкоторыя основныя предварительныя общія понятія, которыя предполагаются истинами вѣры, но прямо и непосредственно въ содержаніе ихъ не входятъ. Обзорѣніе, изслѣдованіе таковыхъ понятій составляетъ необходимое введеніе и руководство къ надлежащему усвоенію христіанскаго богословія, а между тѣмъ наиболѣе сомнѣній и вопросовъ разнаго рода возбуждается при изслѣдованіи и изложеніи таковыхъ предварительныхъ общихъ понятій, служащихъ введеніемъ къ изученію христіанскаго богословія. Разъясненіе этихъ понятій и устраненіе возможныхъ или дѣйствительныхъ, относящихся къ нимъ, сомнѣній, есть прямое дѣло философіи, которое, по важности своей, достойно того, чтобы признать его и называть пособіемъ къ христіанскому апологетическому богословію.

Такимъ образомъ оказывается, что сомнѣнія съ разныхъ сторонъ возбуждаются, противъ нашей воли, при усвоеніи истинъ вѣры, какъ только мы захотимъ, чтобы это усвоеніе было сознательнымъ и отчетливымъ. Не о томъ, стало быть, приходится думать, чтобы не было никакихъ сомнѣній, и нельзя смотрѣть на вѣру какъ на такое состояніе души, которое исключаетъ самую возможность сомнѣній, а о томъ лишь можно задаваться вопросомъ, какой способъ надо признать наилучшимъ къ устраненію всяческихъ сомнѣній.

Повидимому, этотъ способъ теперь найденъ, а точнѣе сказать, самимъ духомъ нашего времени этотъ способъ указанъ такъ, что не было надобности его отыскивать; для этого требовалось бы изслѣдованіе, которое между тѣмъ именно и имѣется въ виду устранить и сдѣлать излишнимъ.

Господство въ наше время эмпирическихъ знаній создало привычку считать простое указаніе на *фактъ* самымъ непререкаемымъ рѣшеніемъ вопроса и устраненіемъ сомнѣнія. Отсюда происходитъ стремленіе къ собиранію фактиче-

скихъ данныхъ во всѣхъ отрасляхъ знанія. Научное изслѣдованіе, его сущность, понимается въ настоящее время обыкновенно такъ, что оно состоитъ въ установленіи, въ такъ называемомъ констатированіи фактовъ, т. е. въ удостовѣреніи фактическихъ, чисто опытныхъ свѣдѣній, въ разнаго рода провѣркѣ таковыхъ посредствомъ привлеченія къ дѣлу свидѣтельствъ, посредствомъ ссылокъ на документы, чрезъ сопоставленіе и обслѣдованія разнорѣчивыхъ данныхъ и т. д. Такой методъ изслѣдованія тѣмъ отличается, что, при употребленіи его, личность самого изслѣдователя никакого значенія не имѣетъ. Самъ изслѣдователь можетъ безразлично относиться къ предмету своего изслѣдованія, онъ можетъ не имѣть никакихъ взглядовъ и убѣжденій; ибо каково бы ни было его душевное состояніе и настроеніе, оно не отразится на самомъ изслѣдованіи; никакихъ личныхъ элементовъ изслѣдователь не имѣетъ надобности, иногда даже возможности, вносить въ свое изслѣдованіе, какъ чисто фактическое. Этого мало: едва ли не въ этомъ безразличіи въ отношеніи къ духу самого изслѣдователя полагается высшее достоинство и цѣнность изслѣдованія.

Примѣненіе въ области вѣры такого способа изслѣдованія и рѣшенія вопросовъ уже потому нельзя признать особенно плодотворнымъ и даже удобнымъ, что, какъ это ясно послѣ сказаннаго, способъ этотъ, устраняя сомнѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ не нужною, излишнею и самое вѣру въ смыслѣ личнаго духовнаго настроенія и состоянія. Важность изслѣдованія вопросовъ вѣры въ томъ главнымъ образомъ состоитъ, чтобы, если не произвести, то поддержать, укрѣпить, защитить и оправдать религіозную вѣру въ смыслѣ внутренняго личнаго убѣжденія, налагающаго печать на всю жизнь человѣка. Какимъ же образомъ этой цѣли можетъ служить методъ, не состоящій ни въ какой связи съ какими бы то ни было личными настроеніями и убѣжденіями, и для котораго не имѣетъ значенія духовная личность самого из-

следователи, а равно, очевидно, и духовная личность тѣхъ, ради кого предпринимается такого рода изслѣдованіе: для археолога, напр., одинаково интересны и важны и христіанскія и египетскія и ассирійскія и всякого рода инныя древности, важны и интересны просто какъ факты, какъ остатки отдаленнаго отъ насъ прошлаго.

Не трудно теперь видѣть, много ли силы и значенія заключается въ томъ приѣмѣ къ устраненію сомнѣній и разрѣшенію вопросовъ вѣры, который теперь многими употребляется и состоитъ въ томъ заявленіи, что христіанство есть прежде всего и главнымъ образомъ *историческій фактъ*. Какъ на примѣръ подобнаго обсужденія вопросовъ вѣры можно указать на одно чтеніе, предложенное отъ религіозно просвѣтительнаго общества въ г. Казани и напечатанное въ шестой книжкѣ журнала *Вѣра и Разумъ* за 1902 г. Остановимъ свое вниманіе на этомъ чтеніи.

„Наблюденіе показываетъ, читаемъ здѣсь, что современное исканіе вѣры многихъ приводитъ не къ свѣту Христовой истины, а ко тьмѣ древняго язычества или къ такому пониманію христіанства, при которомъ послѣднее оказывается совершенно неузнаваемымъ“. Причина этой безплодности исканій вѣры, по мнѣнію автора, заключается въ ложномъ взглядѣ на христіанство и въ ложности пути и средствъ, которыми ищутъ вѣры. Коренная ошибка современныхъ искателей вѣры въ томъ, что они на религію смотрятъ какъ на науку, на христіанство какъ на своего рода философію, на Иисуса Христа какъ на обыкновеннаго основателя религіи, подобнаго многимъ другимъ... а на разумъ какъ на единственное средство къ возвращенію утраченной вѣры. „Почитая христіанство системою знанія, новѣйшіе богословы (разумѣются свѣтскіе) обращаются съ нимъ какъ со всякаго рода знаніемъ: сначала рѣшаютъ, что согласно со взглядами и сужденіями ихъ разума и что несогласно; первое признаютъ, второе—отвергаютъ; что понимаютъ, то признаютъ,

чего не разумѣють, то отрицають. Догматы христіанства менѣе постижимы, посему наиболѣе отвергаются; нравственное ученіе *признается*, потому что кажется болѣе постижимымъ“.

Кто и когда предлагалъ такой способъ усвоенія знаній,—сообразоваться со взглядами и сужденіями своего разума, а самые взгляды и сужденія откуда берутся, если ими требуется повѣрять всякаго рода знанія? И точно ли нравственное христіанское, какъ болѣе понятное, признается? Кому же неизвѣстно, что именно христіанская мораль, въслѣдствіе свойственнаго ей аскетизма, не одобряется, а вмѣсто нея проповѣдуется мораль гражданская? Приведенное разсужденіе, хотя неловко, чтобы не сказать больше, выражаетъ, ту собственно мысль, что теперь господствуетъ *раціонализмъ* и что христіанство оцѣнивается и обсуждается съ точки зрѣнія раціоналистической. Авторъ же предлагаетъ иную точку зрѣнія. Онъ говоритъ, что христіанство не философія и не система знанія, а *историческій фактъ*, что сила и величіе христіанства не въ ученіи догматическомъ (стало-быть правы тѣ, которые оставляютъ безъ вниманія догматы), или нравственномъ, а въ *фактическомъ* осуществленіи самыхъ дорогихъ и завѣтныхъ желаній человѣка. Авторъ намѣревался обличить современное направленіе умовъ (по крайней мѣрѣ у людей ищущихъ вѣры), а оказывается, что самъ онъ разсуждаетъ именно въ духѣ современнаго направленія науки; ибо вообще рѣшающимъ признается теперь вовсе не разумъ, а опытъ, и не умственного постиженія теперь ищутъ, а факческаго удостовѣренія. Именно теперь господствуетъ стремленіе сводить все къ фактическимъ даннымъ и довольствоваться простымъ установленіемъ фактовъ. Авторъ не понимаетъ очевидно той простой вещи, что хотя христіанство есть прежде всего историческій фактъ, но что требовалось и требуется усвоить этотъ фактъ, безъ чего онъ не могъ бы имѣть своего значенія для человѣка, что

и догматическое учение и нравоучение именно и служат къ усвоенію человѣкомъ христіанства какъ историческаго факта, что слѣдовательно отъ христіанства, какъ историческаго факта, нельзя отдѣлять ни догматическаго, ни нравственнаго ученія. Еще Юмъ,—извѣстный англійскій философъ, вопросъ о христіанствѣ разсматривая исключительно съ точки зрѣнія эмпирической, т. е. фактической, пришелъ къ заключенію, что фактическія данныя, относящіяся къ христіанству, если обсуждать ихъ съ научной точки зрѣнія, помимо вѣры, можно и должно даже признать сомнительными, т. е. сами по себѣ, съ научной точки зрѣнія, они недостаточны. Возьмемъ, напр., Евангельскія сказанія о чудесахъ: когда повѣствователь свидѣтельствуетъ о такомъ событіи, которое можетъ произойти во всякое время и часто повторяется, то мы тѣмъ охотнѣе довѣряемъ такому свидѣтельству, чѣмъ менѣе фактъ свидѣтельствуемый выходитъ изъ ряда обычныхъ явленій дѣйствительности. Но чудеса, это факты исключительные, только однажды во все историческое время совершенные тѣмъ лицомъ, о коемъ эти факты повѣствуются. Никто не станетъ спорить противъ того, что апостоль Фома, усомнившійся въ Воскресеніи Христа, относительно способовъ удостовѣриться въ дѣйствительности этого чрезвычайнаго событія, даже *прежде* чѣмъ онъ увидѣлъ самаго Христа и осязалъ Его раны, былъ въ положеніи несравненно болѣе выгодномъ, чѣмъ мы, ибо онъ непосредственно изъ устъ самихъ очевидцевъ Христа, Его ближайшихъ учениковъ, могъ слышать и слышалъ свидѣтельства о Воскресеніи Христа, и такія то свидѣтельства ему казались недостаточными; а вѣдь для насъ возможно сомнѣніе еще и въ томъ, дѣйствительно ли Евангелія написаны тѣми лицами, коимъ приписываются, написаны ли въ то время, когда жили апостолы, или, быть можетъ, значительно позже, дошли ли до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ; подобнаго рода поводы къ сомнѣнію для апостола Оомы не существовали и

не могли существовать и однако онъ сомнѣвался. Отсюда видно, что и въ вопросахъ вѣры эмпиризмъ, самъ по себѣ, еще болѣе несовершененъ и недопустимъ,—нежели абстрактный, исключительный рационализмъ. Для устраненія заблужденій относительно смысла и значенія, принадлежащаго христианству, и для болѣе совершеннаго усвоенія его, слѣдуетъ принимать во вниманіе фактическія данныя не иначе, какъ въ связи съ необходимыми рациональными основаніями, какъ увидимъ, имѣющими силу необходимости и непреложности для человѣка, какъ существа разумнаго.

„Люди, говоритъ авторъ, искали Бога, искали всюду и вездѣ, жаждали познанія Его, общенія съ нимъ,—во Иисусѣ Христѣ Богъ явился во плоти, оправдалъ себя въ Духѣ, показалъ себя ангеламъ, проповѣданъ въ народахъ, *принятъ вѣрою* въ мірѣ, вознесся во славу (1 Тим. 3, 16). Люди искали примиренія съ Богомъ, заглаженія вины, оправданія въ беззаконіяхъ,—Иисусъ Христосъ явился какъ *Примиритель*, Икупитель, Ходатай предъ Богомъ за людей! Люди желали обновленія природы, возстановленія силъ, уврачеванія недуговъ, --во Иисусѣ Христѣ намъ даровано все необходимое для нашего усовершенствованія и исцѣленія“ и т. д. Неужели авторъ все это признаетъ фактами? Вѣдь положенія эти составляютъ *ученіе* о лицѣ Іисуса Христа; *ученіе* и *фактъ*, къ которому ученіе относится, не одно и то же, и слѣдуетъ строго различать одно отъ другого. Ученіе, имѣющее своимъ предметомъ извѣстный фактъ, есть истолкованіе этого факта, разумѣніе его. Конечно, и самое ученіе есть фактъ, но только въ нѣкоторомъ отношеніи, именно: фактическая сторона ученія состоитъ въ томъ, что оно появилось въ такое то время, было принято одними, а другими не принималось, что принимавшіе оправдывали его извѣстными основаніями, а не принимавшіе высказывали нѣкоторыя возраженія противъ этихъ основаній,—словомъ временныя и

мѣстныхъ обстоятельства, при которыхъ ученіе явилось и распространялось, составляютъ фактическую сторону, *исторію ученія*; самое же *содержаніе ученія*, а равно содержаніе всего что высказывалось по поводу ученія и въ связи съ нимъ, это уже не факты, а *идеи, мысли, понятія, вѣрованія*. Что Спаситель родился въ Вифлеемѣ, что онъ крестился въ рѣкѣ Іорданѣ, училъ въ Іерусалимѣ, что Онъ жилъ въ царствованіе Тиверіа, именовать себя сыномъ чело-вѣческимъ,—это факты. Что одни признавали Его за Илью пророка, сшедшаго съ неба, другіе признавали Его Мессіей, иные готовы были видѣть въ Немъ Царя, обѣщаннаго пророками—и это факты. Но самыя *представленія* о Мессіи, объ Ильѣ пророкѣ, о царѣ въ примѣненіи ихъ къ лицу Іисуса Христа, не факты, но вѣрованія, взгляды на Него. понятія о Немъ. О представленіи и вѣрованіи, или понятіи мы спрашиваемъ: истинно ли оно, или не истинно, а о фактѣ—былъ ли онъ дѣйствительно такъ, какъ о немъ повѣствуютъ, и если былъ, то когда, гдѣ и какъ. Скажутъ, что представленіе, мысль, идея есть субъективное отраженіе въ нашемъ сознаніи факта, и потому совпадаетъ съ фактомъ; въ такомъ случаѣ не было бы разногласныхъ представленій объ одномъ и томъ же фактѣ; фактъ одинъ, а пониманіе его, взгляды на него могутъ быть и бываютъ различные.

„Разсматриваемое какъ ученіе, говоритъ авторъ, христіанство, во многихъ отношеніяхъ, повторяетъ то, что было по частямъ извѣстно древнему до-христіанскому чело-вѣчеству. Отдѣльнымъ пунктамъ христіанскаго вѣро-и нраво-ученія всегда можно подыскать соответствующіе пункты въ языческихъ религіяхъ и философскихъ системахъ, въ чемъ и изощряется безплодно новѣйшее невѣріе... Нѣтъ, *сущность христіанства* не въ ученія, а въ личности Іисуса Христа“. Да, конечно; но только въ личности Іисуса Христа извѣстнымъ образомъ понимаемой, т. е. собственно *въ ученіи* о личности Христа. Впрочемъ, тутъ же авторъ самъ гово-

рить: „Если христіанство и можно называть ученіемъ, то ученіемъ о лицѣ Іисуса Христа, Его жизни и дѣлахъ“. Къ чему же было говорить, что главное—историческій фактъ, а не ученіе? Выходить, что сущность христіанства все же заключается въ ученіи.

Посмотримъ, далѣе, къ чему ведетъ усвоенная авторъ точка зрѣнія, что главное фактъ, а не ученіе.

Обычная и наиболѣе заслуживающая вниманія черта эмпиризма заключается въ томъ, что люди, разсуждающіе въ духѣ этого направленія, смѣшиваютъ обыкновенно дѣйствительное съ должнымъ, обыденное съ нормальнымъ, фактическое съ идеальнымъ, принимая за нормальное то, что наичаще встрѣчается въ дѣйствительной жизни, не обращая вниманія на несовершенство этой жизни. Авторъ разсматриваемаго чтенія, слѣдуя по стопамъ своихъ руководителей, старается доказать, что умъ въ своихъ проявленіяхъ зависимъ отъ сердца, т. е. отъ чувствованій и влеченій (аффектовъ и эмоцій) и отъ воли, что слѣдоват. самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Какъ же онъ доказываетъ это? Онъ ссылается на свидѣтельство жизни и говоритъ, что въ нашей жизни умъ имѣетъ мало значенія, и это для автора не простой фактъ, а законъ (слѣд. въ одномъ случаѣ фактъ онъ смѣшиваетъ съ ученіемъ, а въ другомъ—съ закономъ).

„Присмотритесь внимательно къ жизни и къ людямъ: развѣ наша жизнь зависитъ отъ мыслей или убѣжденій нашихъ—большую частію случайно усвоенныхъ нами (плохо должно быть усвоенныхъ), случайно правыхъ (!) и случайно неправыхъ (!). Нѣтъ, вѣрнѣе сказать, что убѣжденія наши и мнѣнія зависятъ отъ нашей жизни, отъ привычекъ, въ которыя мы вошли, отъ нравственной нашей склонности въ ту или другую сторону. Люди думаютъ такъ или иначе потому, что жизнь ихъ приняла тотъ или другой характеръ, а мнѣніе слагается послѣ, какъ оправданіе или изъясненіе

жизни или привычки“. Что изъ того, что такъ бываетъ? Хорошо ли это или худо—вотъ что надо знать. Последовательный эмпиристъ скажетъ, что ни то, ни другое, ни хорошо, ни худо; кто къ чему привыкъ, то для него и хорошо. Въ сущности это именно и утверждается у автора въ разныхъ формахъ, большею частію словами заимствованными у разныхъ, авторитетныхъ для него, сочиненій изъ нашей духовной литературы.

„Мы рѣдко предаемся совершенно объективному изученію вещей; нашимъ разумомъ обыкновенно управляетъ воля, а еще чаще сердце, которое, вторгаясь въ самозаконное теченіе представленій, диктуетъ приговоръ прежде, чѣмъ взвѣшены и подвергнуты обсужденію всѣ относящіяся сюда факты. Предметы въ такомъ случаѣ изслѣдуются лишь со стороны отношенія ихъ къ нашему я, со стороны пользы или вреда, удовольствія или неудовольствія. Если мы счастливы и довольны, наше міросозерцаніе получаетъ свѣтлую оптимистическую окраску; нѣтъ—мрачную, пессимистическую. Что для насъ выгодно и пріятно, то обыкновенно признается нами и справедливымъ и законнымъ и разумнымъ“.

„Не потому люди приходятъ къ извѣстнымъ заключеніямъ, что ихъ принуждаютъ къ тому посылки, отъ которыхъ они отпавились, а потому избираютъ посылки такого, а не иного характера, что имъ нужно дойти до излюбленныхъ заключеній“. „Въ нашей, такъ называемой, любви къ истинѣ много лицемерія“. „Извѣстныя чувства оскорбляютъ насъ въ большинствѣ случаевъ потому, что они противны нашимъ оцѣнкамъ, а не потому, что они противны истинѣ“.

Какую пользу можетъ извлечь изъ подобныхъ разсужденій защитникъ христіанской истины? Въ сущности такого рода разсужденія ставятъ его въ положеніе безпомощное. Ибо въ духѣ таковыхъ разсужденій можно сказать, что одинаково правы и вѣрующій и невѣрующій; первый привыкъ

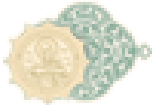
руководиться вѣрою, ибо это для него выгодно и пріятно, а невѣрующій также можетъ сказать, что привычныя для него склонности и чувствованія отвращаютъ его отъ вѣры и влекутъ къ невѣрію. Послѣдователю и защитнику вѣры христіанской остается, при такомъ взглядѣ на существо человѣка, только сожалѣть о томъ, что воля и сердце у людей не направлены у всѣхъ одинаково, именно такъ, какъ бы этого хотѣлось ему—послѣдователю Христовой вѣры. Такъ это и есть „Кто не чувствуетъ всей глубины своего паденія, не сознаетъ своей вины и своего недостойнства предъ Богомъ, тотъ не пойметъ тайны искупленія и другихъ дѣйствій всепрощающей любви Божіей. Человѣку, ослѣпленному величіемъ своихъ силъ, не чувствующему слабости и безсидія въ дѣлѣ нравственнаго усовершенія и не желающему высшей божественной помощи, не понятна будетъ тайна христіанскаго духовнаго возрожденія. Человѣкъ всегда понимаетъ то, что самъ переживаетъ, испытываетъ, чувствуетъ. Живущій въ довольствіи и роскоши и не испытывшій нужды и горя не пойметъ голоднаго бѣдняка... Невѣрующій или равнодушно относящійся къ религіи, не испытывшій сладостныхъ чувствъ истиннаго благочестія и молитвы во всѣхъ подвигахъ истинной религіозности видитъ или заблужденіе или лицемеріе и ханжество“.

Если бы авторъ былъ вѣренъ до конца тому направленію мысли, которое отразилось въ приведенныхъ только что сужденіяхъ, въ такомъ случаѣ онъ долженъ бы признать тщетными и ненужными всякаго рода чтенія просвѣтительнаго характера, разсужденія, изслѣдованія. Дѣйствительно, между прочимъ, онъ приводитъ слѣдующія слова Гоголя, видя въ нихъ очевидно несомнѣнную истину. „Отвлеченными чтеніями, размышленіями и безпрестанными слушаніями всѣхъ курсовъ наукъ нельзя заставить нашъ умъ далеко уйти впередъ“. Но дѣло въ томъ, что нашъ авторъ далекъ отъ того, чтобы быть послѣдовательнымъ.

Совсѣмъ иной порядокъ мысли выражается въ слѣдующихъ словахъ: „Разсудокъ самъ по себѣ ничего не полагаетъ, не творитъ, но лишь познаетъ то, что ему дано, передъ нимъ положено. Сфера его дѣйствія ограничена предѣлами опытной дѣйствительности; онъ по природѣ своей реалистиченъ и даже познанія фактовъ и ихъ взаимныхъ отношеній вести не можетъ. Между тѣмъ религіозная вѣра есть область *идеаловъ*; она говоритъ не о томъ, что есть, но что *должно быть* по требованіямъ разумно нравственной природы человека“. Итакъ, значить не въ томъ сущность христіанства, что оно есть фактъ; если религіозная вѣра есть область идеаловъ, то, слѣдовательно, недостаточно принимать во вниманіе одну лишь фактическую сторону христіанства, но еще болѣе слѣдуетъ имѣть въ виду идеальное значеніе его.

Главный источникъ всѣхъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, сужденій, противорѣчивыхъ и неиспыхъ, а прежде всего тривиальныхъ, заключается въ томъ, что раздѣляютъ душу человека на различныя области, и забывая, что такое раздѣленіе имѣетъ чисто теоретическое значеніе, именно дѣлается для удобства аналитическаго разсмотрѣнія душевныхъ явленій, совершенно ложно играютъ религіозную вѣру основать главнымъ образомъ на одномъ изъ свойствъ душевной жизни, между тѣмъ какъ въ то же время твердятъ, что религіозная жизнь обнимаетъ всѣ силы души, проникаетъ собою и преобразуетъ всего человека. Разумно ли постѣ этого признавать главнымъ и основнымъ органомъ религіозности сердце и волю и съ пренебреженіемъ относиться къ уму, (какое пренебреженіе наказываеся тѣмъ, что виновные въ этомъ говорятъ много несообразностей) и вообще къ разуму? Правда, что умъ рождаетъ иногда сомнѣніе, но отбрасывать умъ какъ вещь негодную для того только, чтобы устранить возможность сомнѣнія,—это средство слишкомъ радикальное; отбрасывайте сомнѣніе, боритесь противъ него, но не отрекайтесь

отъ ума. Впрочемъ, авторъ говоритъ и о самомъ сердцѣ, а равно о волѣ такъ: „сердце и воля могутъ помрачить самый ясный разумъ и замутить самый свѣтлый умъ“ (стр. 351). Такимъ образомъ, какъ умъ то познаетъ истину, то впадаетъ въ заблужденіе, подобно тому сердце и воля либо прилѣпляются къ добру, либо увлечены бываютъ чѣмъ-либо худымъ. Отцы Церкви дѣйствительно придавали главное значеніе въ дѣлѣ вѣры и нравственности сердцу. Но это потому, что, смотря на сердце какъ на средоточіе, центръ душевной жизни, полагали въ немъ *объединеніе* всѣхъ силъ души, слѣдовательно не исключали и ума, а требовали только согласія, единенія его съ другими душевными силами.

Различіе способностей или отпавленій душевныхъ имѣетъ еще то важное значеніе, что преобладаніемъ то одной, то другой характеризуется складъ душевной жизни у людей. Понятно, что практическимъ людямъ представляются важнѣйшими силами души сердце и воля. А тѣмъ, которые, по роду занятій и жизни, болѣе всего преданы умственной дѣятельности, важнѣе всего работа мысли. Это не значитъ, что дѣятели этой категоріи лишены сердца и воли, а значитъ только, что проявленія этихъ силъ у нихъ совсѣмъ иныя; въ своемъ дѣлѣ, именно въ дѣлѣ чисто умственномъ, они находятъ обильный источникъ радости и печали; умственные интересы служатъ для нихъ поприщемъ развитія высшихъ качествъ воли и сердца.

Понятно также, что люди практическіе не могутъ предаваться никакимъ труднымъ и сложнымъ изслѣдованіямъ. Поэтому коль скоро изслѣдованіе обращается на вопросы общаго значенія, слѣдовательно такіе что и практическіе люди не могутъ считать ихъ посторонними для себя, напротивъ, и для нихъ это вопросы важнѣйшіе, то подобнаго рода изслѣдованія не могутъ не казаться тѣмъ людямъ дѣломъ излишнимъ и даже опаснымъ. Пусть будетъ изслѣдованіе самое

благонамѣренное и предпринимается съ цѣлью единственно тою, чтобы способствовать болѣе совершенному усвоенію признанныхъ истинъ вѣры и нравственности; и въ этомъ случаѣ такое дѣло не можетъ не возбуждать нѣкотораго недовѣрія къ себѣ и опасенія у людей практической жизни уже потому, что эти люди дорожатъ умственнымъ покоемъ и равновѣсіемъ, необходимымъ для нихъ ради того, чтобы, не развлекая своихъ силъ ничѣмъ постороннимъ, всецѣло обращать ихъ на подлежащія ихъ вѣдѣнію дѣла. Не таково положеніе людей науки, для которыхъ изслѣдованіе составляетъ собственно имъ принадлежащее дѣло. При самой мнительной и крайне щекотливой осторожности, все же простая добросовѣстность, сама по себѣ обязанность заниматься своимъ дѣломъ, требуетъ, не довольствуясь ближайшими основаніями, служащими къ оправданію и утвержденію въ общемъ сознаніи общепризнанныхъ истинъ, восходить по возможности также къ основаніямъ дальнѣйшимъ и болѣе глубокимъ, словомъ—изслѣдовать всякій вопросъ до послѣднихъ его корней и во всемъ его объемѣ: человекъ умственнаго дѣла не можетъ въ этомъ дѣлѣ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ люди другой категоріи довольствуются,—иные по необходимости, сознавая эту необходимость, другіе же охотно и съ желаніемъ—навязать и другимъ свою собственную мѣру довольства.

Такая задача, насколько она относится къ вопросамъ наиболѣе общимъ въ области вѣры, должна быть признапа дѣломъ отчасти философіи, которая поэтому называлась служанкою богословія; теперь же, по всей справедливости, слѣдовало-бы назвать ее помощницей богословія. Въ видахъ вспомошествованія выполненію означенной задачи займемся обсужденіемъ нѣкоторыхъ для богословія предварительныхъ, но съ философской точки зрѣнія важнѣйшихъ и основныхъ вопросовъ о предметахъ вѣры.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на вопросъ о вѣрѣ, вотъ въ какомъ отношеніи: что служить необходимымъ основнымъ содержаніемъ религіозной вѣры? какъ мы должны обозначить по возможности одною чертою это необходимое содержаніе вѣры?

И. Линицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).